

Франсиско Аяла

Инквизитор

Франсиско Аяла

Инквизитор

«Public Domain»

1949

Аяла Ф.

Инквизитор / Ф. Аяла — «Public Domain», 1949

«Какое празднество! Какое ликование! Сколько музыки и фейерверка! Раввин еврейского квартала, муж добродетельнейший и ученый, познав наконец свет истины, склонял для крещения голову пред святой водой, и весь город праздновал торжество!...»

Содержание

Франсиско Аяла	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Франсиско Аяла Инквизитор (из книги «Узурпаторы»)

Какое празднество! Какое ликование! Сколько музыки и фейерверка! Раввин еврейского квартала, муж добродетельнейший и ученый, познав наконец свет истины, склонял для крещения голову пред святой водой, и весь город праздновал торжество!

В тот незабвенный день, возблагодарив Господа Спасителя Нашего, уже в лоне Его Церкви, лишь об одном – но, увы, до самых глубин души – сокрушался бывший раввин: жена его, покойная Ребекка, не изведала благодати, ниспосланной ныне ему, единокровной дочери их Марте и остальным родственникам, окрещенным совместно одной церемонией при больших торжествах. В сей достославный день то был терн в его венке, затаенная печаль, равно как и сомнительная (или более того – ужасающая!) участь его предков, просвещенной линии, почитаемой им в лице деда, отца, поколений людей набожных, ученых, достойных, но не сумевших по пришествии признать Спасителя и упорствовавших на протяжении веков в давнем и отвергнутом Законе.

Новообращенный вопрошал себя, за какие заслуги дарована его душе милость, в которой отказано было им, и каким предначертанием Провидения ныне, после без малого полутора тысяч лет неистовой, упорной, пагубной гордыни, предопределено было именно ему, здесь, в этом крошечном городке кастильского плоскогорья, ему одному из всего многочисленного рода и невзирая на примерное руководство над почитаемой синагогой, сделать этот вызывающий, но благодатный шаг, ведущий к спасению. Издавна, задолго еще до объявления об обращении, посвящал он многие, нескончаемые и несчетные, часы попыткам найти в богословии разгадку подобного жребия. Но тщетно. Не раз отвергал он, упрекая себя в гордыне, единственное лестное объяснение, приходившее на ум; размышления лишь укрепили его в мысли о том, что подобная милость налагала на него обязанности и предъявляла ему требования, соответствующие ее исключительному значению, и должна была по крайней мере быть оправдана его деяниями *a posteriori*¹. Отчетливо понимая, что обязан Святой Церкви более, чем любой другой христианин, он пришел к выводу, что спасение должно стать плодом многотрудного служения вере, и решил – таким был счастливый и неожиданный итог раздумий – почитать свой долг исполненным не ранее, чем здесь же, в этом самом городе, знавшем его раввином, заслужит и добьется пастырского сана и станет, тем самым, изумлением очей и примером для душ.

Став священнослужителем, он отправился ко Двору, посетил Рим, и не прошло и восьми лет, как ученость, благоразумие и неустанный труд снискали ему митру и епархию, где у епископского престола предстояло ему служить Господу до конца своих дней. На избранном пути ожидали его суровые испытания, много жестче подчас, нежели представлялось, но не отступил он; можно даже утверждать, что и на мгновение не дрогнул. Об одном из таких испытаний рассказывает настоящее повествование. Мы встретимся с епископом в самый, вероятно, страшный день в его жизни. А вот и он сам, за работой, в предутренний уже час. Он почти не ужиная: едва притронулся к еде, не отрывая взгляда от бумаг, и, отодвинув прибор на край стола, подальше от чернильницы и документов, вновь погрузился в свое занятие. На конце стола, особняком, видны теперь коврига белого хлеба с тронутой сбоку корочкой, несколько слив на блюде, остатки холодного мяса – на другом, кувшинчик с вином, неоткрытая коробочка сладо-

¹ *Впоследствии, в дальнейшем (лат.).*

стей... Было поздно, и сеньор епископ отпустил слугу, секретаря, всех остальных и сам собрал себе легкий ужин. Он любил поступать именно так и зачастую засиживался далеко за полночь, никого не беспокоя. Тем более сегодня не вынес бы он чьего-нибудь присутствия: необходимо было без помех сосредоточиться на изучении процесса. Назавтра предстояло собраться под его председательством Трибуналу Инквизиции; там, внизу, ожидали правосудия несчастные, а ему несвойственно было уклоняться от своих обязанностей: всегда, в любом процессе, изучал он все до мелочей, каждую деталь, до самых незначительных, лично следил за разбором дела, допросами и показаниями, с тем чтобы составить себе твердое представление и принять в соответствии с ним непреклонное окончательное решение. Так и ныне все материалы были уже собраны, лежали перед ним, тщательно изложенные, лист к листу, с самого начала, от доноса на обращенного Антонио Мариа Лусеро и до черновиков приговора, который предстояло вынести назавтра целой группе уличенных в тайном исповедании иудейства. Имелся здесь документ, составленный при задержании Лусеро, захваченного спящим и взятого под стражу на глазах у смятенных, подавленных близких; записаны были слова, оброненные им в ту минуту испуга, слова, надо заметить, достаточно двусмысленные по значению. Далее шли показания, полученные за несколько месяцев допросов, подчас прерываемые при пытке жалобами, стонами, вскриками и мольбами, которые записывались с той же неизменной аккуратностью. На протяжении всего столь тщательно проведенного дознания, во время несчетных и жестоких допросов, Лусеро с раздражающим упорством отрицал свою вину; отрицал, даже когда в пытке выворачивали ему члены на станке. Проклиная, стеля или умоляя, неизменно отвергал он свою вину, но епископ заметил (другой, быть может, и не обратил внимания; но как могло это укрыться от него?), что слова, вырывавшиеся у обвиняемого в минуту смущения духа, помрачения, боли и страха, содержали порой имя Божие в завываниях и угрозах, но ни единожды не взывали к Господу Нашему Иисусу Христу, к Деве или к Святым, которым такую преданность являл Лусеро ранее при других обстоятельствах...

Теперь, листая показания, данные под пыткой – однажды, по многим соображениям, счел себя обязанным епископ лично присутствовать при этом, – припомнил он взгляд, который устремил на него снизу Антонио Мариа, подвешенный за щиколотки, касаясь головой пола. Отлично понял прелат значение того взгляда: было в нем напоминание о прошлом, намек на времена, когда оба они – подвергнутый пытке обвиняемый и его судья, епископ и председатель Церковного Трибунала, – были еще иудеями; взгляд будил в памяти далекий уже день, когда ювелир, в ту пору худой и улыбчивый парень, приблизился почтительно к своему раввину, дабы испросить у него руки Сары, младшей сестры тогда еще здравствовавшей Ребекки, и раввин, подумав, ничего не нашел против брака и лично отпраздновал свадьбу Лусеро со свояченицей Сарой. Именно это желали напомнить ему глаза, что сверкали в темноте подземелья у самого пола, заставляя его прятать взор; они ожидали помощи от давней дружбы и уз родства, ничего общего не имевших со следствием и процессом. И потому тот взгляд мог быть расценен как недостойное подмигивание соучастия, попытка подкупа и лишь свидетельствовал таким образом против самого подсудимого; ибо не притязал ли он в прелате, столь неустанно бдившем чистоту учения, пробудить и растрогать ревнителя веры, от которой оба они отрелись?

Все эти люди, подумал епископ, отлично знали или догадывались, в чем могла быть его слабая сторона, и с хитроумным упорством не оставляли попыток приблизиться к нему. Разве не пытались они еще в самом начале – вот лучшее доказательство их нечистой совести, красноречивое проявление неверия в милосердное правосудие Церкви! – разве не пытались они смягчить его через посредничество Марты, единственной дочери, невинного создания, втянутого ими в игру?... Даже по прошествии стольких месяцев вновь вызвала у него горестный жест мысль о том, что осмелились они воспользоваться самым сокровенным: простодушием младенческих лет. Заверенная в праведности поступка, предстала Марта перед своим отцом заступницей за Антонио Мариа Лусеро, только что схваченного тогда по подозрению. Ничего

не стоило прелату установить, что поступила она так по наущению своей подруги детства и – тут его милость передернуло – двоюродной сестры по матери, Хуаниты Лусеро, несомненно подученной в свою очередь евреями – родственниками отца, обращенного Лусеро, подозреваемого ныне в исповедании иудейства. Стоя на коленях, заученными, очевидно, словами молила епископа дочь, и было то искушение дьявольское, ибо не Христос ли сказал: *Кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня?*²

С пером в застывшей руке, обратив близорукие глаза к стене, терявшейся в полумраке залы, испустил епископ из груди тяжелый вздох; никак не удавалось ему сосредоточиться на своем занятии, непокорная мысль вновь и вновь убегала к дочери, гордости его и надежде, хрупкому, молчаливому и порывистому созданию, что в этот час отдыхала в своей комнате, отрешившись от мира, погруженная в счастливое забвение сна, в то время как бодрствовал он, скрипом пера тревожа безмолвие ночи. То был, говорил себе епископ, последний побег древнейшего рода, чье достославное имя отверг он, дабы причаститься таинственного Тела Господня, и чьи ушедшие лики изгладятся без остатка, когда, в должный час, обвенчанная – коли суждено судьбою ей венчаться – с истым христианином, быть может, даже – почему б и нет? – дворянской крови, взрастит она в благоразумии и преданности, прилежании и благодушии новое потомство в стенах его старого дома... Унесясь воображением к столь желанной будущности, вновь ощутил епископ, как переполняет его стремление оградить дочь от пагубных знакомств и уберечь от козней; вспоминая попытку воспользоваться непорочностью ее души ради подсудимого Лусеро, чувствовал прелат, что гнев сжимает его горло, словно только вчера наблюдал он эту тягостную сцену. Коленопреклоненная у его ног, говорила девочка: «Отец, бедный Антонио Мариа ни в чем не виновен; я, отец (она! сама безгрешность), наверное знаю, что он хороший. Спаси его!» Спаси его. Словно не эту, в точности эту же цель – спасение заблудших – ставила себе Инквизиция... Схватив дочь за запястье, тотчас дознался епископ, каким образом замыслена и сплетена была интрига; приманкой, очевидно, послужила удрученная Хуанита Лусеро, и все родственники, вне сомнения, объединились, чтобы подготовить эту сцену, которая, подобно неожиданному повороту театрального действия, должна была, по их предположениям, перевернуть сознание священнослужителя подкупающим очарованием детских слез. Но ведь сказано в Писании: *Если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя*

² Библия, Мтф., X, 37.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.